

В. Никифоров-Волгин
Светлая заутрени

Над землей догорала сегодняшняя литургийная песнь. «Да молчит всякая плоть человеча, и да стоит со страхом и трепетом».

Вечерняя земля затихала. Дома открывали стеклянные дверцы икон. Я спросил отца:

— Это для чего?

— Это знак того, что на Пасху двери райские отверзаются!

До начала заутрени мы с отцом хотели высаться, но не могли. Лежали на постели

рядом, и он рассказывал, как ему мальчиком пришлось встречать Пасху в Москве.

— Московская Пасха, сынок, могучая! Кто раз повидал ее, тот до гроба поминать будет. Грохнет это в полночь первый удар колокола с Ивана Великого, так словно небо со звездами упадет на землю! А в колоколе-то, сынок, шесть тысяч пудов, и для раскачивания языка требовалось двенадцать человек! Первый удар подгоняли к бою часов на Спасской башне...

Отец приподнимается с постели и говорит о Москве с дрожью в голосе:

— Да... часы на Спасской башне... Пробьют, — и сразу же взвивается к небу ракета... а за ней пальба из старых орудий на Тайницкой башне — сто один выстрел!..

Морем стелется по Москве Иван Великий, а остальные сорок-сороков вторят ему как реки в половодье! Такая, скажу тебе, сила плывет над первопрестольной, что ты

словно не ходишь, а на волнах качаешься маленькой щепкой! Могучая ночь, грому Господню подобная! Эй, сынок, не живописать словами пасхальную Москву!

Отец умолкает и закрывает глаза.

— Ты засыпаешь?

— Нет. На Москву смотрю.

— А где она у тебя?

— Перед глазами. Как живая...

— Расскажи еще что-нибудь про Пасху!

— Довелось мне встречать также Пасху в одном монастыре. Простотой да свято-лепнстью была она еще лучше московской! Один монастырь-то чего стоит! Кругом — лес нехоженый, тропы звериные, а у монастырских стен — речка плещется. В ее таежные деревья глядят, и церковь сбитая из крепких смолистых бревен. К Светлой заутрене собиралось сюда из окрестных деревень великое множество бого-мольцев. Был здесь редкостный обычай.

После заутрени выходили к речке девушки со свечами, пели «Христос Воскресе», клянялись в пояс речной воде, а потом — прилепляли свечи к деревянному кругляшку и по очереди пускали их по реке. Была примета: если пасхальная свеча не погаснет, то девушка замуж выйдет, а погаснет — горькой вековушкой останется!

Ты вообрази только, какое там было диво! Среди ночи сотня огней плывет по воде, а тут еще колокола трезвонят, и лес шумит!

— Хватит вам, вечать-то, — перебила нас мать, — высыпались бы лучше, а то будете стоять на заутрене соныгами!

Мне было не до сна. Душу охватывало предчувствие чего-то необъяснимо огромного, похожего не то на Москву, не то на сотню свечей, плывущих по лесной реке. Встал с постели, ходил из угла в угол, мешал матери стряпать и поминутно ее спрашивал:

— Скоро ли в церковь?
 — Не вертись, как косое веретено! —
 тихо вспылила она. — Ежели не терпится,
 то ступай, да не балуй там!

До заутрени целых два часа, а церков-
 ная ограда уже полна ребятами.

Ночь без единой звезды, без ветра и
 как бы страшная в своей необычности и
 огромности. По темной улице плыли кули-
 чи в белых платках — только они были вид-
 ны, а людей как бы и нет.

В полутемной церкви, около Плащани-
 цы стоит очередь охотников почитать Дея-
 ния апостолов. Я тоже присоединился. Ме-
 ни спросили:

— Читать умеешь?
 — Умею.
 — Ну, так начинай первым!

Я подошел к аналою и стал выводить
 по складам: «Первое убо слово сотворих о
 Феофиле», и никак не мог выговорить «Фе-

офил». Растерялся, смущенно опустил го-
 лову и перестал читать. Ко мне подошли и
 сделали замечание:

— Куда ж ты лезешь, когда читать не
 умеешь?

— Попробовать хотел!..

— Ты лучше куличи пробуй, — и оттес-
 нили меня в сторону.

В церкви не стоялось. Вышел в ограду
 и сел на ступеньку храма.

— Где-то сейчас Пасха? — размышлял я.
 — Витает ли на небе, или ходит за городом,
 в лесу, по болотным кочкам, сосновым ос-
 тинкам, подснежникам, вересковыми и
 можжевельными тропинками, и какой име-
 ет образ? Вспомнился мне чей-то рассказ,
 что в ночь на Светлое Христово Воскресе-
 ние спускается с неба на землю лествица, и
 по ней сходит к нам Господь со святыми апо-
 столами, преподобными, страстотерпи-
 ми и мучениками. Господь обходит землю;

благословляет поля, леса, озера, реки, птиц, человека, зверя и все сотворенное святой Его волей, а святые поют «Христос воскресе из мертвых...» Песня святых зернами рассыпается по земле, и от этих зерен зарождаются в лесах тонкие душистые ландыши...

Время близилось к полночи. Ограда все гуще и полнее гудит говором. Из церковной сторожки кто-то вышел с фонарем.

— Идет, идет! — неистово закричали ребята, хлопая в ладоши.

— Кто идет?
— Звонарь Лександра! Сейчас грохнет!
И он грохнул...

От первого удара колокола по земле словно большое серебряное колесо покатилось, а когда прошел гуд его, покатилось другое, а за ним третье, и ночная пасхальная тьма закружилась в серебряном гудении всех городских церквей.

Меня приметил в темноте нищий Яков.

— Светловещанный звон! — сказал он и несколько раз перекрестился.

В церкви начали служить «великую полунощницу». Пели «Волною морскою». Священники в белых ризах подняли Плащаницу и унесли в алтарь, где она будет лежать на престоле, до праздника Вознесения. Тяжелую золотую гробницу с грохотом отодвинули в сторону, на обычное свое место, и в грохоте этом тоже было значительное, пасхальное, — словно отваливали огромный камень от гроба Господня.

Я увидал отца с матерью. Подошел к ним и сказал:

— Никогда не буду обижать вас! — прижался к ним и громко воскликнул: — Весело-то как!

А радость пасхальная все ширилась, как Волга в половодье, про которое не раз отец рассказывал. Весенними деревьями на солнечном поветрии заколыхались вы-

сокие хоругви. Стали готовиться к крестному ходу вокруг церкви. Из алтаря вынесли серебряный запрестольный крест, золотое Евангелие, огромный круглый хлеб — артос, заулыбались поднятые иконы, и у всех зажглись красные пасхальные свечи.

Наступила тишина. Она была прозрачной, и такой легкой, если дунуть на нее, то заколеблется паутинкой. И среди этой тишины запели: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небеси». И под эту воскрыляющую песню заструился огнями крестный ход. Мне наступили на ногу, капнули воском на голову, но я почти ничего не почувствовал и подумал: «так полагается» — Пасха! Пасха Господня! — бегали по душе солнечные зайчики. Тесно прижавшись друг к другу, ночными потемками, по струям воскресной песни, осыпаемые трезвоном и обогреваемые огоньками свечей мы пошли вокруг белозорной от сотни огней

церкви и остановились в ожидании у крепко закрытых дверей. Смолкли колокола. Сердце затаилось. Лицо запылало жаром. Земля куда-то исчезла — стоишь не на ней, а как бы на синих небесах. А люди? Где они? Все превратилось в ликующие пасхальные свечи!

И вот, огромное, чего охватить не мог вначале, — свершилось! Запели «Христос Воскрес из мертвых».

Три раза пропели «Христос Воскресе», и перед нами распахнулись створки высокой двери. Мы вошли в воскресший храм, — и перед глазами, в сиянии паникадил, больших и малых лампад, в блестках серебра, золота и драгоценных каменьев на иконах, в ярких бумажных цветах на куличах, — вспыхнула Пасха Господня! Священник, окутанный кадильным дымом, с заясневшимся лицом, светло и громко воскликнул: «Христос Воскресе», и народ ответил ему

грохотом спадающего с высоты тяжелого льдистого снега — «Воистину воскресе».

Рядом очутился Гришка. Я взял его за руки и сказал:

— Завтра я подарю тебе красное яйцо!
Самое наилучшее! Христос Воскресе!

Неподалеку стоял и Федька. Ему тоже пообещал красное яйцо. Увидел дворника Давыда, подошел к нему и сказал:

— Никогда не буду называть тебя «подметалой-мучеником». Христос Воскрес!

А по церкви молниями летали слова пасхального канона. Что ни слово, то искорка веселого быстрого огня:

«Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир видимый же весь и невидимый, Христос бо возста, веселье вечное».

Сердце мое зашлось от радости, — около амвона увидел девочку с белокурыми волосами, которую приметил на выносе Пла-

щаницы! Сам не свой подошел к ней, и весь зардевшись, опустив глаза, я прошептал:

— Христос Воскресе!

Она смущалась, уронила из рук свечечку, тихим пламенем потянулась ко мне, и мы похристосовались... а потом до того застыдились, что долго стояли с опущенными головами.

А в это время с амвона гремело пасхальное слово Иоанна Златоуста:

«Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего доброго и светлого торжества: Воскресе Христос, и жизнь жительствует!»

